

И(9ат)
mn
А.65

Г. Х. АНДЕРСЕН

Дюймовый лебедь

Снежная королева

Д

Back stop

МОСКВА "Детская литература" 1989

Азербайджанская Республиканская
Библиотека
Инв. № 217992

И (827)

ММ ББК 84.4Д

А-65

Перевод с датского
А. ГАНЗЕН

Рисунки В. ПАНОВА

А 4804010100—130 Без объявл.
М101(03)—89

ISBN 5—08—002644—8

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

алеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. Было у него одиннадцать сыновей и одна дочь, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев ходили в школу со звёздами на груди и саблями у ноги. Писали они на золотых досках алмазными грифелями и наизусть умели читать не хуже, чем по книжке. Сразу было видно, что они настоящие принцы. А их сестрица Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было отдано полкоролевства.

Да, хорошо жилось детям, только недолго.

Отец их, король той страны, женился на злой королеве, и она с самого начала невзлюбила бедных детей. Они испытали это в первый же день. Во дворце шёл пир, и дети затеяли игру в гости. Но вместо пирожных и печёных яблок, которых они всегда получали вдоволь, мачеха дала им чайную чашку речного песка — пусть представят себе, что это угощение.

Через неделю она отдала сестрицу Элизу в деревню крестьянам на воспитание, а прошло ещё немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Летите на все четыре стороны и промышляйте о себе сами! — сказала злая королева. — Летите большими птицами без голоса!

Но не случилось так, как она хотела: они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из окон дворца и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо дома, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись кружить над крышей, вытягивали свои гибкие шеи и хлопали крыльями, но никто их не слышал, не видел. Так и пришлось им улететь ни с чем. Взвились они под самые облака и полетели в большой тёмный лес у берега моря.

А бедняжка Элиза осталась жить в крестьянском доме и играла зелёным листком — других игрушек у неё не было. Она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь неё на солнце, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братцев. А когда тёплый луч солнца падал ей на щёку, она вспоминала их нежные поцелуи.

Дни шли за днями, один как другой. Порой ветер колыхал розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам:

— Есть ли кто красивее вас?

Розы качали головками и отвечали:

— Элиза.

И это была сущая правда.

Но вот минуло Элизе пятнадцать лет, и её отослали домой. Увидала королева, какая она хорошенькая, разгневалась и ещё больше возненавидела её. И хотелось бы мачехе превратить Элизу в дикого лебедя, как её братьев, да не посмела она сделать это сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот с утра пораньше пошла королева в мраморную купальню, убранную мягкими подушками и чудесными ков-

рами, взяла трёх жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Как войдёт Элиза в купальню, сядь ей на голову, пусть она станет такой же ленивой, как ты.

— А ты сядь Элизе на лоб, — сказала она другой. — Пусть она станет такой же безобразной, как ты, чтобы и отец её не узнал.

— Ну, а ты ляг Элизе на сердце, — сказала она третьей. — Пусть она станет злой и мучается от этого!

Пустила королева жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же позеленела. Позвала королева Элизу, раздела и велела ей войти в воду. Послушалась Элиза, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, третья на грудь, но Элиза даже не заметила этого, а как только вышла из воды, по воде поплыли три алых мака. А были бы жабы не ядовиты и не целованы ведьмой, превратились бы они в алые розы. Так невинна была Элиза, что колдовство оказалось против неё бессильным.

Увидала это злая королева, натёрла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем чёрной, вымазала ей лицо вонючей мазью, разлохматила волосы. Совсем теперь было не узнать хорошенькую Элизу.

Увидел её отец, испугался и сказал, что не его это дочь. Никто не признавал её, кроме цепной собаки да ласточек, только кто же станет слушать бедных тварей!

Заплакала бедняжка Элиза и подумала о своих выгнанных братьях. Печальная ушла она из дворца и целый день брела по полям и болотам к большому лесу. Куда ей идти, она и сама толком не знала, но так тоскливо было у неё на сердце и так стосковалась она по своим братьям, что решила искать их, пока не найдёт. Не долго шла она по лесу, как уж ночь настала. Совсем сбилась с пути Элиза, прилегла на мягкий мох и склонила голову на пень. Тихо было в лесу, воздух был такой тёплый, вокруг зелёными огоньками мерцали сотни светлячков, и когда она тихонько тронула ветку, они посыпались на неё звёздным дождём.

Всю ночь снились Элизе братья. Все они опять были детьми, играли вместе, писали алмазными грифелями на золотых досках и рассматривали чудесную книжку с картинками, за которую было отдано полкоролевства. Но писали они на досках не чёрточки и нолики, как прежде, нет, они описывали всё, что видели и пережили. Все картинки в книжке ожили, птицы пели, а люди сходили со страниц и разговаривали с Элизой и её братьями, но когда она пере-

ворачивала страницу, они впрыгивали обратно, чтоб не получилось путаницы в картинках.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко. Она не могла хорошо видеть его за густой листвой деревье, но лучи его реяли в вышине, словно колеблющаяся золотая кисея. Пахло травой, а птицы чуть не садились Элизе на плечи. Слышался плеск воды — поблизости бежало несколько больших ручьёв, вливавшихся в пруд с чудесным песчаным дном. Пруд был окружён густыми кустами, но в одном месте дикие олени проделали большой проход, и Элиза могла спуститься к воде, такой прозрачной, что если бы ветер не колыхал ветвей деревьев и кустов, можно было подумать, что они нарисованы на дне, так ясно отражался в воде каждый листочек, и освещённый солнцем и укрытый в тени.

Увидала в воде своё лицо Элиза и совсем перепугалась — такое оно было чёрное и гадкое. Но вот она зачерпнула горстью воды, обмыла лоб и глаза, и опять заблестела её белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладную воду. Краше принцессу поискать было по всему свету!

Оделась Элиза, заплела в косы свои длинные волосы и пошла к роднику, напилась из пригоршни и побрела дальше в лес, сама не зная куда. По пути ей попала дикая яблоня, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Поела Элиза яблочек, подпёрла ветви колышками и углубилась в самую чащу леса. Тишина стояла такая, что Элиза слышала собственные шаги и шуршание каждого сухого листка, на который ступала. Здесь не было видно ни одной птицы, ни один солнечный луч не пробивался сквозь сплошное сплетение ветвей. Высокие деревья стояли так плотно, что когда она смотрела перед собой, казалось ей, что её окружают бревенчатые стены. Никогда ещё Элиза не чувствовала себя такой одинокой. Ночью стало ещё темнее, ни единого светлячка не светилось во мху. Печальная, улеглась Элиза на траву, а рано утром отправилась дальше. Тут встретила её старушка с корзинкой ягод. Старушка дала Элизе горстку ягод, а Элиза спросила, не проезжали ли тут по лесу одиннадцать принцев.

— Нет, — отвечала старушка. — Но вот одиннадцать лебедей в коронах видела, они плавали на реке тут неподалёку.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала речка. Деревья, росшие по её берегам, тянули друг

к другу длинные, покрытые густой листвой ветви, и там, где они не могли дотянуться друг до друга, их корни выпирали из земли и, сплетаясь с ветвями, свисали над водой.

Элиза простилась со старушкой и пошла вдоль речки к тому месту, где речка впадала в большое море.

И вот перед девушкой открылось чудесное море. Но ни единого паруса не виделось на нём, ни единой лодки. Как же ей было продолжать свой путь? Весь берег был усыпан бессчётными камешками, вода обкатала их, и они были совсем круглые. Стекло, железо, камни — всё, что выбросило волнами на берег, получило свою форму от воды, а ведь вода была куда мягче нежных рук Элизы.

«Волны неумоимо катятся одна за другой и сглаживают всё твёрдое, буду и я неумоимой! Спасибо вам за науку, светлые, быстрые волны! Сердце говорит мне, что когда-нибудь вы отнесёте меня к моим милым братьям!»

На выброшенных морем водорослях лежало одиннадцать белых лебединых перьев, и Элиза собрала их в пучок. На них блестели капли — росы или слёз, кто знает? Пустынно было на берегу, но Элиза не замечала этого: мореечно менялось, и за несколько часов тут можно было увидеть больше, чем за целый год на пресноводных озёрах на суше. Вот надвигается большая чёрная туча, и море как будто говорит: «Я тоже могу выглядеть мрачным», — и налетает ветер, и волны показывают своей белой изнанкой. А вот облака отсвечивают розовым, ветер спит, и море похоже на лепесток розы. Иной раз оно зелёное, иной раз белое, но как бы спокойно оно ни было, у берега оно постоянно в тихом движении. Вода легонько вздымается, словно грудь спящего ребёнка. На закате увидела Элиза одиннадцать диких лебедей в золотых коронах. Они летели к суше, следуя один за другим, и похоже было, что в небе колышется длинная белая лента. Элиза взобралась на верх береговой кручи и спряталась за куст. Лебеди спустились неподалёку и захлопали своими большими белыми крыльями.

И вот, как только солнце село в море, сбросили лебеди перья и превратились в одиннадцать прекрасных принцев — братьев Элизы. Громко вскрикнула Элиза, сразу узнала их, сердцем почуяла, что это они, хотя братья сильно изменились. Она бросилась к ним в объятия, называла их по именам, и как же они обрадовались, увидав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела! И смеялись и плакали Элиза и её братья и скоро узнали друг от друга, как жестоко обошлась с ними мачеха.

— Мы, братья, — сказал самый старший, — летаем дикими лебедями, пока солнце стоит на небе. А когда оно заходит, опять принимаем человеческий образ. Вот почему к заходу солнца мы всегда должны быть на суше. Случись нам превратиться в людей, когда мы летим под облаками, мы упадём в пучину. Живём мы не здесь. За морем лежит такая же чудесная страна, как эта, но путь туда далёк, приходится лететь через всё море, а по пути нет ни единого острова, где можно было бы переночевать. Только на самой середине из моря торчит одинокий утёс, и мы можем отдохнуть на нём, тесно прижавшись друг к другу, вот какой он маленький. Когда море волнуется, брызги так и летят прямо через нас, но мы рады и такому пристанищу. Там ночуем мы в нашем человеческом обличье. Не будь утёса, нам бы и вовсе не видать нашей милой родины: два самых длинных дня в году нам надо для этого перелёта, и только раз в году дозволено нам прилетать на родину. Мы можем жить здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, смотреть на дворец, где мы родились и где живёт наш отец. Тут нам знаком каждый куст, каждое дерево, тут, как в дни нашего детства, бегают по равнинам дикие лошади, а угольщики поют те же песни, под которые мы плясали детьми. Тут наша родина, сюда стремимся мы всей душой, и здесь-то мы и нашли тебя, дорогая наша сестрица! Два дня ещё можем мы пробыть здесь, а затем должны лететь за море в чудесную, но не родную нам страну. Как же нам взять тебя с собою? У нас нет ни корабля, ни лодки!

— Ах, если б я могла снять с вас заклятье! — сказала сестра.

Так проговорили они всю ночь и задремали лишь на несколько часов.

Проснулась Элиза от шума лебединых крыльев. Братья вновь обратились в птиц, они кружили над ней, а потом скрылись из виду. Только один из лебедей, самый младший, остался с ней. Он положил голову ей на колени, и она гладила его белые крылья. Весь день провели они вместе, а к вечеру прилетели остальные, и когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улететь и сможем вернуться не раньше чем через год. Хватит у тебя мужества лететь с нами? Я один могу пронести тебя на руках через весь лес, так неужто мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

...Всю ночь плели они сетку из гибкой ивовой коры и тростника. Большая и прочная вышла сетка. Элиза легла в неё, и, чуть взошло солнце, братья обратились в лебедей, подхватили сетку клювами и взвились с милой, ещё спавшей сестрицей под облака. Лучи солнца светили ей прямо в лицо, и один лебедь летел над её головой, прикрывая её от солнца своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было лететь по воздуху. Рядом с ней лежала ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев. Их набрал самый младший из братьев, и Элиза улыбнулась ему — она догадалась, что это он летит над ней и прикрывает её от солнца своими крыльями.

Высоко-высоко летели лебеди, так что первый корабль, который они увидели, показался им плавающей на воде чайкой. В небе позади них стояло большое облако — настоящая гора! — и на нём Элиза увидела гигантские тени одиннадцати лебедей и свою собственную. Никогда раньше не видела она такого великолепного зрелища. Но всё выше поднималось солнце, всё дальше позади оставалось облако, и мало-помалу движущиеся тени исчезли.

Целый день летели лебеди, словно пущенная из лука стрела, но всё же медленнее обычного, ведь на этот раз им приходилось нести сестру. Близился вечер, собиралась буря. Со страхом следила Элиза за тем, как заходит солнце, — одинокого морского утёса всё ещё не было видно. И ещё ей казалось, что лебеди машут крыльями как будто бы через силу. Ах, это она виновата, что они не могут лететь быстрее! Вот зайдёт солнце, и они обратятся в людей, упадут в море и утонут...

Чёрная туча надвигалась всё ближе, сильные порывы ветра предвещали бурю. Облака собрались в грозный свинцовый вал, катившийся по небу. Молнии сверкали одна за другой.

Солнце уже коснулось воды, сердце Элизы затрепетало. Лебеди вдруг начали снижаться, да так стремительно, что Элизе показалось, будто они падают. Но нет, они продолжали лететь. Вот солнце наполовину скрылось над водой, и тут только Элиза увидела под собою утёс не больше головы тюленя, высунувшегося из воды. Солнце быстро погружалось в море и казалось теперь не больше звезды. Но вот лебеди ступили на камень, и солнце погасло, словно последняя искра догорающей бумаги. Братья стояли рука об руку

вокруг Элизы, и все они едва умещались на утёсе. Волны с силой ударяли в него и обдавали их брызгами. Небо не переставая озарялось молниями, каждую минуту гремел гром, но сестра и братья, взявшись за руки, находили друг в друге мужество и утешение.

На рассвете опять стало ясно и тихо. Как только взошло солнце, лебеди с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и с высоты было видно, как плывёт по тёмно-зелёной воде, точно несметные голубиные стаи, белая пена.

Но вот солнце поднялось выше, и Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе горную страну с глыбами сверкающего льда на скалах, а прямо посередине высился замок, растянувшийся, наверное, на целую милю, с какими-то удивительными галереями одна над другой. Внизу под ним ним колыхались пальмовые рощи и роскошные цветы величиной с мельничные колёса. Элиза спросила, не та ли это страна, куда они держат путь, но лебеди только покачали головами: это был всего лишь чудесный, вечно меняющийся очертания облачный замок Фата-Морганы.

Элиза всё смотрела и смотрела на него, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе и образовали двадцать величественных церквей с колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Церкви совсем было приблизились, как вдруг превратились в целую флотилию кораблей. Элиза вгляделась пристальнее и увидела, что это просто морской туман, поднимающийся над водой. Да, перед глазами у неё были вечно сменяющиеся образы и картины!

Но вот показалась и суша, к которой они держали путь. Там высились чудесные горы с кедровыми лесами, городами и замками. И уже задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, словно обвешанной расшитыми, зелёными коврами, так обросла она нежно-зелёными вьющимися растениями.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — молвил младший из братьев и указал сестре её спальню.

— Ах, если бы мне открылось во сне, как снять с вас заклятье! — отвечала она, и эта мысль не покинула её.

И вот пригрезилось ей, будто она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-Морганы и фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на старушку, которая дала Элизе ягод в лесу и рассказала о лебедях в золотых коронах.

«Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но

хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих рук, и всё-таки окатывает камни, но она не чувствует боли, которую будут чувствовать твои пальцы. У воды нет сердца, которое стало бы изнывать от муки и страха, как твоё. Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растёт здесь возле пещеры, и только она, да ещё та, что растёт на кладбищах, может помочь тебе. Заметь же её! Ты нарвёшь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов. Потом разомнёшь её ногами, получится волокно. Из него ты сплетёшь одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей. Тогда колдовство развевается. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь работу, и до тех пор, пока не окончишь, пусть даже она растянется на годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, как смертоносный кинжал пронзит сердца твоих братьев. Их жизнь и смерть будут в твоих руках. Запомни всё это!»

И фея коснулась её руки крапивой. Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Уже рассвело, и рядом с нею лежала крапива, точь-в-точь как та, что она видела во сне. Элиза вышла из пещеры и принялась за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки её покрывались волдырями, но она с радостью терпела боль — только бы спасти милых братьев! Босыми ногами она разминала крапиву и прядла зелёные нити.

Но вот зашло солнце, вернулись братья, и как же они испугались, увидя, что сестра их стала немой! Это не иначе как новое колдовство злой мачехи, решили они. Но взглянули братья на её руки и поняли, что она задумала ради их спасения. Заплакал младший из братьев, и там, куда падали его слёзы, боль утихала, жгучие волдыри исчезали.

Всю ночь провела за работой Элиза, ведь не было ей покоя, пока не освободит она милых братьев. И весь следующий день, пока лебеди были в отлучке, просидела она за работой, но никогда ещё время не бежало для неё так быстро.

Одна рубашка-панцирь была готова, и она принялась за другую, как вдруг в горах затрубили охотничьи рога. Испугалась Элиза. А звуки всё приближались, раздался лай собак. Убежала в пещеру Элиза, связала в пучок собранную ею крапиву и села на него.

Тут из-за кустов выскочила большая собака, за ней другая, третья. Собаки громко лаяли и бегали взад и вперёд у входа в пещеру. Не прошло и нескольких минут, как у пещеры собрались все охотники. Самый красивый среди них

был король той страны. Он подошёл к Элизе — никогда ещё не встречал он такой красавицы.

— Как ты попала сюда, прекрасное дитя? — спросил он, но Элиза только головой покачала в ответ, ведь говорить-то ей нельзя было, от этого зависела жизнь и спасение братьев. Руки свои она спрятала под передник, чтобы король не увидел, какие муки приходится ей терпеть.

— Пойдём со мной! — сказал он. — Здесь тебе не место! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце!

И он посадил её на своего коня. Плакала и ломала руки Элиза, но король сказал:

— Я хочу только твоего счастья! Когда-нибудь ты будешь благодарна мне за это!

И он повёз её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с храмами и куполами, и привёл король Элизу в свой дворец. В высоких мраморных залах там журчали фонтаны, а стены и потолки были расписаны красивыми картинами. Но ни на что не смотрела Элиза, а только плакала и тосковала. Как неживая позволила она прислужницам надеть на себя королевские одежды, вплести в волосы жемчуга и натянуть на обожжённые пальцы тонкие перчатки.

Ослепительно прекрасная стояла она в роскошном убранстве, и весь двор низко ей поклонился, а король провозгласил её своею невестой, хотя архиепископ покачивал головой и нашёптывал королю, что эта лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела всем глаза и околдовала короля.

Но король не стал его слушать, сделал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать дорогие кушанья, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в роскошные палаты. Но не было улыбки ни на губах, ни в глазах её, а только печаль, словно было ей так на роду написано. Но вот открыл король дверь в маленькую комнатку рядом с её спальней. Комнатка была увешана дорогими зелёными коврами и напоминала пещеру, где нашли Элизу. На полу лежала связка крапивного волокна, а под потолком висела сплетённая Элизой рубашка-панцирь. Всё это как диковинку захватил с собой из лесу один из охотников.

— Здесь ты можешь вспоминать своё прежнее жилище! — сказал король. — Здесь и работа, которой ты за-

нималась. Может быть, теперь, в славе твоей, воспоминания о прошлом развлекут тебя.

Увидела Элиза дорогую её сердцу работу, и улыбка заиграла на её губах. Она подумала о спасении братьев и поцеловала королю руку, а он прижал её к сердцу.

Архиепископ по-прежнему нашёптывал королю злые речи, но они не доходили до сердца короля. На другой день сыграли свадьбу. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону. С досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно. Но другой, более тяжёлый обруч сдавливал ей сердце — печаль за её братьев, и она не заметила боли. Уста её были по-прежнему замкнуты — одно-единственное слово могло стоять братьям жизни, — но в глазах её светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал всё, чтобы порадовать её. С каждым днём она привязывалась к нему больше и больше. Ах, если б только можно было довериться ему, поведать ему свою муку! Но она должна была молчать, должна была делать своё дело молча. Вот почему по ночам она тихонько уходила из королевской опочивальни в свою потайную комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой. Но когда она принялась за седьмую, у неё кончилось волокно.

Найти нужную ей крапиву, знала она, можно на кладбище, но она сама должна была рвать её. Как же быть?

«Ах, что значит боль в пальцах по сравнению с мукой моего сердца? — думала Элиза. — Я должна решиться!»

Сердце её сжималось от страха, точно она шла на дурное дело, когда пробиралась лунной ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели безобразные ведьмы и таращились на неё злыми глазами, но она набрала крапивы и вернулась обратно во дворец.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел её — архиепископ. Только получалось, что он был прав, подозревая, что с королевой дело нечисто. И впрямь выходило, что она ведьма, потому-то и сумела околдовать короля и весь народ.

Утром он рассказал королю о том, что видел и что подозревал. Две тяжёлые слезы скатились по щекам короля, и сомнение закралось в его сердце. Ночью он притворился, будто спит, но сон не шёл к нему, и заметил король, как Элиза встала и скрылась из опочивальни. И так повторялось каждую ночь, и каждую ночь он следил за ней и видел, как она исчезала в своей потайной комнате.

День ото дня всё мрачнел и мрачнел король. Элиза видела это, но не понимала почему, и боязно ей было, и сердце её болело за братьев. На королевский бархат и пурпур катились её горькие слёзы. Они блестели, как алмазы, и люди, видевшие её в великолепном одеянии, желали быть на её месте. Но скоро, скоро конец работе! Недоставало всего лишь одной рубашки, и тут у неё опять кончилось волокно. Ещё раз — последний — нужно было сходить на кладбище и нарвать несколько пучков крапивы. Со страхом думала она о безлюдном кладбище и ужасных ведьмах, но решимость её была непоколебима.

И Элиза пошла, но король с архиепископом пошли за ней следом. Увидели они, как она скрылась за кладбищенскими воротами, а когда подошли к воротам, увидели и ведьм на могильных плитах, и король повернул назад.

— Пусть судит её народ! — сказал он.

И народ присудил — сжечь её на костре.

Из роскошных королевских палат Элизу отвели в мрачное сырое подземелье с решёткой на окне, в которое со свистом задувал ветер. Вместо бархата и шёлка ей дали под голову связку набранной ею на кладбище крапивы, а жёсткие жгучие рубашки-панцири должны были служить ей ложем и одеялом. Но лучшего подарка ей и не надо было, и она вновь принялась за работу. Уличные мальчишки пели ей за окном глумливые песни, и ни одна живая душа не нашла для неё слова утешения.

Но под вечер у решётки раздался шум лебединых крыльев — это отыскал сестру младший из братьев, и она заплакала от радости, хотя и знала, что жить ей осталось, быть может, всего одну ночь. Зато работа её была почти закончена, и братья были тут!

Всю ночь плела Элиза последнюю рубашку. Чтобы хоть немножко помочь ей, мыши, бегавшие по подземелью, приносили к её ногам стебли крапивы, а у решётки окна сел дрозд и всю ночь подбодрял её своей весёлой песней.

Начинался рассвет, и солнце должно было показаться только через час, а к воротам дворца уже явились одиннадцать братьев и потребовали, чтобы их пропустили к королю. Им отвечали, что это никак невозможно: король спит и его нельзя будить. Братья продолжали просить, потом стали угрожать, явилась стража, а потом вышел и сам король узнать, в чём дело. Но тут взошло солнце, и братья исчезли, а над дворцом взлетели одиннадцать лебедей.

Народ валом валил за город смотреть, как будут

Инв. № 217992

сжигать ведьму. Жалкая кляча тащила повозку, в которой сидела Элиза. На неё накинули балахон из грубой мешковины. Её чудные дивные волосы спадали на плечи, в лице не было ни кровинки, губы беззвучно шевелились, а пальцы плели зелёную пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук свою работу. У её ног лежали десять рубашек-панцирей, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

— Посмотрите на ведьму! Ишь, шамкает губами, да всё никак не расстается со своими колдовскими штуками! Вырвать у неё да порвать в клочья!

И толпа бросилась к ней и хотела разорвать крапивные рубашки, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели вокруг неё по краям повозки и захлопали могучими крыльями. Толпа отхлынула.

— Это знамение небесное! Она невинна! — шептали многие, но сказать это вслух не решались.

Вот палач уже схватил Элизу за руку, но она быстро набросила на лебедей крапивные рубашки, и все они превратились в прекрасных принцев, только у самого младшего вместо одной руки так и осталось крыло: не успела Элиза закончить последнюю рубашку, не доставало в ней одного рукава.

— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна!

И народ, видевший всё, преклонился перед ней, а она без чувств упала в объятия братьев, так измучена была она страхом и болью.

— Да, она невинна! — молвил старший из братьев и рассказал всё как было, и, пока он говорил, в воздухе разлился аромат, как от миллиона роз, — это каждое полено в костре пустило корни и ветви, и вот уже на месте костра стоял благоухающий куст, весь в алых розах. А на самом верху сиял, словно звезда, ослепительно белый цветок. Король сорвал его и положил Элизе на грудь, и она очнулась, и в сердце её был покой и счастье.

Тут, сами собой, зазвонили в городе все колокола, и слетелись несметными стаями птицы, и к дворцу потянулось такое радостное шествие, какого ещё не видывал ни один король!

СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

История первая,
в которой рассказывается
о зеркале и его осколках

у, начнём! Дойдя до конца нашей истории, мы будем знать больше, чем сейчас. Так вот, жил-был тролль, злой-презлой, сущий дьявол. Раз был он в особенно хорошем расположении духа: смастерил такое зеркало, в котором всё доброе и прекрасное уменьшалось дальше некуда, а всё дурное и безобразное так и выпирало, делалось ещё гаже.

Прекраснейшие ландшафты выглядели в нём варёным

шпинатом, а лучшие из людей — уродами, или казалось, будто стоят они кверху ногами, а животов у них вовсе нет! Лица искажались так, что и не узнать, а если у кого была веснушка, то уж будьте покойны — она расползалась и на нос и на губы. А если у человека являлась добрая мысль, она отражалась в зеркале такой ужимкой, что тролль так и покатывался со смеху, радуясь своей хитрой выдумке.

Ученики тролля — а у него была своя школа — рассказывали всем, что сотворилось чудо: теперь только, говорили они, можно увидеть весь мир и людей в их истинном свете. Они бегали повсюду с зеркалом, и скоро не осталось ни одной страны, ни одного человека, которые не отразились бы в нём в искажённом виде.

Напоследок захотелось им добраться и до неба. Чем выше они поднимались, тем сильнее кривлялось зеркало, так что они еле удерживали его в руках. Но вот они взлетели совсем высоко, как вдруг зеркало до того перекорёжило от гримас, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось на миллионы, биллионы осколков, и оттого произошло ещё больше бед. Некоторые осколки, с песчинку величиной, разлетаясь по белу свету, попадали людям в глаза да так там и оставались. А человек с таким осколком в глазу начинал видеть всё навыворот или замечать в каждой вещи только дурное — ведь каждый осколок сохранял свойства всего зеркала. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было страшнее всего: сердце делалось как кусок льда. Были среди осколков и большие — их вставили в оконные рамы, и уж в эти-то окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были и такие осколки, которые пошли на очки, и худо было, если такие очки надевали для того, чтобы лучше видеть и правильно судить о вещах.

Злой тролль надрывался от смеха — так веселила его эта затея. А по свету летало ещё много осколков. Послушаем же про них!

История вторая МАЛЬЧИК И ДЕВОЧКА

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем хватает места хотя бы на маленький садик, а потому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, и са-

дик у них был чуть побольше цветочного горшка. Они не были братом и сестрой, но любили друг друга, как брат и сестра.

Родители их жили в каморках под крышей в двух соседних домах. Кровли домов сходились, и между ними тянулся водосточный жёлоб. Здесь-то и смотрели друг на друга чердачные окошечки от каждого дома. Стоило лишь перешагнуть через жёлоб, и можно было попасть из одного окошка в другое.

У родителей было по большому деревянному ящику, в них росла зелень для приправ и небольшие розовые кусты — по одному в каждом ящике, пышно разросшиеся. Родителям пришлось в голову поставить эти ящики поперёк жёлоба, так что от одного окна к другому тянулись словно две цветочные грядки. Зелёными гирляндами спускался из ящиков горох, розовые кусты заглядывали в окна и сплетались ветвями. Родители позволяли мальчику и девочке ходить друг к другу в гости по крыше и сидеть на скамеечке под розами. Как чудесно им тут игралось.

Зима клала конец этой радости. Окна зачастую совсем замерзали, но дети нагревали на печи медные монеты, прикладывали их к замёрзшим стёклам, и сейчас же оттаивало чудесное круглое отверстие, а в него выглядывал весёлый ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка, Кай и Герда. Летом они одним прыжком могли очутиться в гостях друг у друга, а зимою надо было сначала спуститься на много-много ступеней вниз, а потом подняться на столько же вверх. На дворе перепархивал снежок.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик. Он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть! — отвечала бабушка. — Снежинки окружают её густым роем, но она больше их всех и никогда не присаживается на землю, вечно носится в чёрном облаке. Часто по ночам пролетает она по городским улицам и заглядывает в окошки, вот оттого-то и покрываются они морозными узорами, словно цветами.

— Видели, видели! — говорили дети и верили, что всё это суцная правда.

— А сюда Снежная королева не может войти? — спрашивала девочка.

— Пусть только попробует! — отвечал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Но бабушка погладила его по голове и завела разговор о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки. Одна из них, побольше, упала на край цветочного ящика и начала расти, расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль, сотканный, казалось, из миллионов снежных звёздочек. Она была так прелестна и нежна, но изо льда, из ослепительно сверкающего льда, и всё же живая! Глаза её сияли, как две ясных звезды, но не было в них ни теплоты, ни покоя. Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Кай испугался и спрыгнул со стула. А мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день было ясно и морозно, но потом настала оттепель, а там и весна пришла. Заблистало солнце, проглянула зелень, строили гнёзда ласточки. Окна растворили, и дети опять могли сидеть в своём садике в водосточном жёлобе над всеми этажами.

Розы в то лето цвели пышно, как никогда. Дети пели, взявшись за руки, целовали розы и радовались солнцу. Ах, какое чудесное стояло лето, как хорошо было под розовыми кустами, которым, казалось, цвести и цвести вечно!

Как-то раз Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами. На больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг Кай. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила ручонкой его шею, он часто-часто моргал, но в глазу как будто ничего не было.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но это было не так. Это были как раз осколки того дьявольского зеркала, о котором мы говорили вначале.

Бедняжка Кай! Теперь его сердце должно было стать как кусок льда. Боль прошла, но осколки остались.

— О чём ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно! Фу, какая ты некрасивая! — вдруг крикнул он. — Вон ту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат.

И он пнул ящик ногою и сорвал обе розы.

— Кай, что ты делаешь! — закричала Герда, а он, видя её испуг, сорвал ещё одну розу и убежал от милой маленькой Герды в своё окно.

Принесёт ли теперь ему Герда книжку с картинками, он скажет, что эти картинки хороши только для грудных ребят; расскажет ли что-нибудь старая бабушка — придерётся к её словам. А то дойдёт даже до того, что начнёт передразнивать её походку, надевать её очки, говорить её голосом. Выходило очень похоже, и люди смеялись. Скоро Кай научился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставлять напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили:

— Удивительно способный мальчуган!

А причиной всему были осколки, что попали ему в глаз и в сердце. Потому-то он и передразнивал даже милую маленькую Герду, а ведь она любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными, такими мудрёными. Раз зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своей синей куртки.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он.

Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду: Это было так красиво!

— Видишь, как хитро сделано! — сказал Кай. — Гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если б только они не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиною, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади с другими мальчиками!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Кто посмелее, привязывал свои санки к крестьянским саням и катился далеко-далеко. Это было куда как занятно. В самый разгар веселья на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и в такой же шапке. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай живо привязал к ним свои санки и покатил. Большие сани понеслись быстрее, затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и приветливо кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе всё кивал ему, и он продолжал ехать за ним.

Вот они выбрались за городские ворота. Снег повалил вдруг хлопьями, и стало темно, хоть глаз выколи. Мальчик поспешно отпустил верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали

несть вихрем. Кай громко закричал — никто не услышал его. Снег валил, санки мчались, ныряя в сугробы, перескакивая через изгороди и канавы. Кай весь дрожал.

Снежные хлопья всё росли и обратились под конец в больших белых кур. Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал. Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в шубу!

Посадила она мальчика в сани, завернула в свою медвежью шубу. Кай словно в снежный сугроб опустился.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что ещё немного — и он умрёт... Но только на минуту, а потом, напротив, ему стало так хорошо, что он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он.

Санки привязали на спину одной из белых кур, и она полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Кая ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше не буду целовать тебя, — сказала она. — Не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Как она была хороша! Лица умней и прелестней он не мог себе и представить. Теперь она не казалась ему ледяной, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики, да ещё с дробями, знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что на самом-то деле он знает совсем мало.

В тот же миг Снежная королева взвилась с ним на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и сушей; студёные ветры дули под ними, выли волки, искрился снег, летали с криком чёрные вороны, а над ними сиял большой ясный месяц. На него смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь, а днём заснул у ног Снежной королевы.

История третья
ЦВЕТНИК ЖЕНЩИНЫ,
КОТОРАЯ УМЕЛА КОЛДОВАТЬ

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? Куда он девался? Никто этого не знал, никто не мог дать ответ.

Мальчики рассказали только, что видели, как он привязал свои санки к большим великолепным саням, которые потом свернули в переулочек и выехали за городские ворота.

Много было пролито по нему слёз, горько и долго плакала Герда. Наконец решили, что Кай умер, утонул в реке, протекавшей за городом. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и больше не вернётся! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — отвечали они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки (Кай ни разу ещё не видел их), — сказала она как-то утром, — да пойду спрошу про него у реки.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала одна-одинёшенька за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего названного братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои красные башмачки, если ты вернёшь мне его!

И девочке почудилось, что волны как-то странно кивают ей. Тогда она сняла свои красные башмачки — самое драгоценное, что у неё было, — и бросила в реку. Но они упали у самого берега, и волны сейчас же вынесли их обратно — река словно бы не хотела брать у девочки её драгоценность, так как не могла вернуть ей Кая. Девочка же подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, стала на самый краешек кормы и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и от её толчка отошла от берега. Девочка хотела поскорее выпрыгнуть на берег, но, пока пробиралась с кормы на нос, лодка уже совсем отплыла и быстро неслась по течению.

Герда ужасно испугалась и принялась плакать и кри-

чать, но никто, кроме воробьёв, не слышал её. Воробьи же не могли перенести её на сушу и только летели за ней вдоль берега и щебетали, словно желая её утешить:

— Мы здесь! Мы здесь!

Лодку уносило всё дальше. Герда сидела смиренно, в одних чулках: красные башмачки её плыли за лодкой, но не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела, встала на ноги и долго-долго любовалась красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором ютился домик под соломенной крышей, с красными и синими стёклами в окошках. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали честь всем, кто проплывал мимо. Герда закричала им — она приняла их за живых, но они, понятно, не ответили ей. Вот она подплыла к ним ещё ближе, лодка подошла чуть не к самому берегу, и девочка закричала ещё громче. Из домика вышла старая-престарая старушка с клюкой, в большой соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты бедное дитятко! — сказала старушка. — И как это ты попала на такую большую быструю реку да забралась так далеко?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку клюкой, притянула к берегу и высадила Герду.

Герда была рада-радёшенька, что очутилась наконец на суше, хоть и побаивалась незнакомой старухи.

— Ну, пойдём, да Расскажи мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старушку, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но верно пройдёт, так что горевать пока не о чем, пусть Герда лучше отведаёт вишен да полюбуется цветами, что растут в саду: они красивее, чем в любой книжке с картинками, и все умеют рассказывать сказки. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна были высоко от пола и все из разноцветных — красных, синих и жёлтых — стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с чудесными вишнями, и Герда могла есть их сколько угодно. А пока она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком. Волосы вились

кудрями и золотым сиянием окружали милое, приветливое, круглое, словно роза, личико девочки.

— Давно мне хотелось иметь такую миленькую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы с тобой заживём!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки и чем дольше чесала, тем больше забывала Герда своего названного братца Кая — старушка умела колдовать. Только она была не злою колдуньей и колдовала лишь изредка, для своего удовольствия; теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду. И вот она пошла в сад, дотронулась клюкой до всех розовых кустов, и те как стояли в полном цвету, так все и ушли глубоко-глубоко в землю, и следа от них не осталось. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих, а там и о Кае да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Ах, какой аромат тут был, какая красота: самые разные цветы, и на каждое время года! Во всём свете не нашлось бы книжки с картинками пестрее, красивее этого цветника. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село за высокими вишнёвыми деревьями. Тогда её уложили в чудесную постель с красными шёлковыми перинками, набитыми голубыми фиалками. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

На другой день Герде опять позволили играть в чудесном цветнике на солнце. Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветок в саду, но как ни много их было, ей всё же казалось, что какого-то недостаёт, только какого? И вот раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами, и самым красивым из них была роза — старушка забыла её стереть, когда спровадила живые розы под землю. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала в сад, искала их, искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слёзы падали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они увлажнили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Обвила его ручонками Герда, принялась целовать розы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Вы не знаете, где он? — спросила она у роз. — Правда ли, что он умер и не вернётся больше?

— Он не умер! — отвечали розы. — Мы ведь были под землёй, где лежат все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо вам! — сказала Герда и пошла к другим цветам, заглядывала в их чашечки и спрашивала: — Вы не знаете, где Кай?

Но каждый цветок грелся на солнышке и думал только о своей собственной сказке или истории. Много их наслушалась Герда, но ни один не сказал ни слова о Кае.

Тогда Герда пошла к одуванчику, сиявшему в блестящей зелёной траве.

— Ты, маленькое ясное солнышко! — сказала ему Герда. — Скажи, не знаешь ли ты, где мне искать моего названного братца?

Одуванчик засиял ещё ярче и взглянул на девочку. Какую же песенку спел он ей? Увы! И в этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. Лучи его скользили по белой стене соседнего дома, и возле самой стены проглянул первый жёлтенький цветок, он сверкал на солнце, словно золотой. Во двор вышла посидеть старая бабушка. Вот пришла из гостей её внучка, бедная служанка, и поцеловала старушку. Поцелуй девушки дороже золота — он идёт прямо от сердца. Золото на её губах, золото в сердце, золото и на небе в утренний час! Вот и всё! — сказал одуванчик.

— Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне и горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и его приведу с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — толку от них не добьёшься, они знай твердят своё! — И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он поддался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Раза три оглядывалась она назад, но никто не гнался за нею.

Наконец она устала, присела на камень и осмотрелась: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень. Только в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Длинные листья на ивах совсем пожелте-

ли, туман оседал на них крупными каплями и стекал на землю; листья так и сыпались. Один только терновник стоял весь покрытый вяжущими, терпкими ягодами. Каким серым, унылым казался весь мир!

История четвёртая ПРИНЦ И ПРИНЦЕССА

Пришлось Герде опять присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Долго смотрел он на девочку, кивая ей головою, и наконец молвил:

— Кар-кар! Здррравствуй!

Выговаривать по-человечески чище он не мог, но он желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету одна-одинёшенька. Что такое «одна-одинёшенька», Герда знала очень хорошо, сама на себе испытала. Рассказав ворону всю свою жизнь, девочка спросила, не видал ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал:

— Может быть! Может быть!

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила ворона — так крепко она его расцеловала.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Думаю, это был твой Кай. Но теперь он, верно, забыл тебя со своею принцессой!

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон. — Только мне ужасно трудно говорить по-вашему. Вот если бы ты понимала по-вороньи, я рассказал бы тебе обо всём куда лучше.

— Нет, этому меня не учили, — сказала Герда. — Как жалко!

— Ну ничего, — сказал ворон. — Расскажу как сумею, хоть и плохо.

И он рассказал всё, что знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидит она на троне — а веселья-то в этом не так уж много, как люди говорят, — и напевает песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж. Но в мужья она хотела выбрать такого человека, который бы умел отвечать, когда с ним говорят, а не такого, что умел бы только важничать, — это ведь так скучно! И вот бара-

банным боем созывают всех придворных дам, объявляют им волю принцессы. Уж так они все обрадовались! «Вот это нам нравится! — говорят. — Мы и сами недавно об этом думали!» Всё это истинная правда! — прибавил ворон. — У меня при дворе есть невеста — ручная ворона, от неё-то я и знаю всё это.

На другой день все газеты вышли с каймой из сердец и с вензелями принцессы. А в газетах объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя непринуждённо, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт в мужья. Да, да! — повторил ворон. — Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь перед тобою. Народ валом повалил во дворец, пошла давка и толкотня, да всё без проку ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорят отлично, а стоит им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию в серебре да лакеев в золоте и войти в огромные, залитые светом залы — и их оторопь берёт. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют за ней её же слова, а ей вовсе не это было нужно. Ну, точно на них порчу напускали, опаивали дурманом! А выйдут за ворота — опять обретут дар слова. От самых ворот до дверей тянулся длинный-длинный хвост женихов. Я сам там был и видел.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришёл свататься?

— Постой! Постой! Вот мы дошли и до него! На третий день явился небольшой человек, не в карете, не верхом, а просто пешком, и прямо во дворец. Глаза блестят, как твои, волосы длинные, вот только одет бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его! — И она захлопала в ладоши.

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его санки! — сказала Герда. — Он ушёл из дому с санками.

— Очень может быть! — сказал ворон. — Я не особенно вглядывался. Так вот, моя невеста рассказывала, как вошёл он в дворцовые ворота и увидел гвардию в серебре, а по всей лестнице лакеев в золоте, ни капельки не смутился, только головой кивнул и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут на лестнице, войду-ка я лучше в комнаты!» А все залы залиты светом. Тайные советники и их превосходительства расхаживают без сапог, золотые блюда разно-

сят, — торжественнее некуда! Сапоги его страшно скрипят, а ему всё нипочём.

— Это наверно Кай! — воскликнула Герда. — Я знаю, он был в новых сапогах. Я сама слышала, как они скрипели, когда он приходил к бабушке.

— Да, они таки скрипели порядком, — продолжал ворон. — Но он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры со слугами и слугами слуг, а у тех опять прислужники. Чем ближе кто-нибудь стоял к дверям, тем выше задирали нос. На прислужника слуги слуги, стоявшего в самых дверях, нельзя было взглянуть без дрожи — такой он был важный!

— Вот страх-то! — сказала Герда. — А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он завёл с принцессой беседу и говорил не хуже, чем я по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да-да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики, да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — трудно сделать. Постой, я поговорю с моей невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то впускают таких девочек.

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит, что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки, — сказал ворон, тряхнул головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот хлебец. Она стащила его на кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пропустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадёшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода и где достать ключ.

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где

один за другим падали осенние листья, и когда огни во дворце погасли, ворон провёл девочку в полуотворенную дверь.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Точно она собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Герда так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы, и как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. А как обрадуется он теперь, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, узнает, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они на площадке лестницы. На шкафу горела лампа, а на полу сидела ручная ворона и осматривалась по сторонам. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ручная ворона. — И ваша жизнь так же очень трогательна! Не угодно ли вам взять лампу, а я пойду вперёд. Мы пойдём прямою дорогой, тут мы никогда не встретим.

— А мне кажется, за нами кто-то идёт, — сказала Герда, и в ту же минуту мимо неё с лёгким шумом промчались какие-то тени: лошади с развевающимися гривами и тонкими ногами, охотники, дамы и кавалеры верхами.

— Это сны! — сказала ручная ворона. — Они явятся сюда, чтобы мысли высоких особ унеслись на охоту. Тем лучше для нас, удобнее будет рассмотреть спящих.

Тут они вошли в первую залу, где стены были обиты розовым атласом, затканым цветами. Мимо девочки опять пронеслись сны, но так быстро, что она не успела рассмотреть всадников. Одна зала была великолепнее другой, так что было от чего прийти в замешательство. Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с драгоценными хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая. Девочка слегка отогнула один из красных лепестков и увидела тёмно-русый затылок. Это Кай! Она громко назвала его по имени и поднесла лампу к самому его лицу. Сны с шумом умчались прочь; принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай!

Принц ходил на него только с затылка, но был так же

молод и красив. Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала всю свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты бедняжка! — сказали принц и принцесса, похвалили ворон, объявили, что ничуть не гnevаются на них — только пусть они не делают этого впредь, — и захотели даже наградить их.

— Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон, на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили должности при дворе. Они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде — больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!» — закрыла глаза и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головою. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает.

Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошастью и пару башмаков — она опять хотела пуститься разыскивать по белу свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев, форейторов — дали ей и форейторов — красовались на головах маленькие золотые короны.

Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути.

Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею — он не мог ехать, сидя спиной к лошадям. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не поехала провожать Герду, потому что страдала головными болями, с тех пор как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета была битком набита сахарными крен-

дельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай! Прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона — тоже. Через три мили простился с девочкой и ворон. Тяжёлое было расставанье! Ворон взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая как солнце, не скрылась из виду.

История пятая

МАЛЕНЬКАЯ РАЗБОЙНИЦА

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники; карета горела как жар, она резала разбойникам глаза, и они просто не могли этого вынести.

— Золото! Золото! — закричали они, схватив лошадей под уздцы, убили маленьких фореиторов, кучера и слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь какая славненькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми, нависшими бровями. — Жирненькая, что твой барашек! Ну-ка, какова на вкус будет?

Она вытащила острый сверкающий нож. Какой ужас!

— Ай! — вскрикнула она вдруг: её укусила за ухо её собственная дочка, которая сидела у неё за спиной и была такая необузданная и своевольная, что просто любо. — Ах ты дрянная девчонка! — закричала мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платье и будет спать со мной в моей постели.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на месте. Разбойники захохотали.

— Ишь как пляшет со своей девчонкой!

— Хочу в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались по пням и кочкам в чащу леса.

Маленькая разбойница была ростом с Герду, но сильнее, шире в плечах и гораздо смуглее. Глаза у неё были совсем чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — отвечала девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я и рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её хорошенькую мягкую и тёплую муфточку.

Вот карета остановилась: они въехали во двор разбойничьего замка.

Он был весь в огромных трещинах; из них вылетали вороны и воробьи. Откуда-то выскочили огромные бульдоги, казалось, каждому из них нипочём проглотить человека, но они только высоко подпрыгивали и даже не лаяли — это было запрещено. Посреди огромной залы с полуразвалившимися, покрытыми копотью стенами и каменным полом пылал огонь. Дым подымался к потолку и сам должен был искать себе выход. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жердях больше сотни голубей. Все они, казалось, спали, но когда девочки подошли, слегка зашевелились.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так трянула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она и ткнула голубя Герде прямо в лицо. — А вот тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянную решётку. — Эти двое — лесные плутишки. Их надо держать взаперти, не то живо улетят! А вот и мой милый старичина башка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи, иначе удерёт! Каждый вечер я щекочу его под шей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила из расщелины в стене длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Неужели ты и спишь с ножом? — спросила её Герда.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Мало ли что может случиться! Ну, расскажи мне ещё раз о Каяе и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Лесные голуби в клетке тихо ворковали; другие голуби уже спали. Маленькая разбойница обвила одною рукой шею Герды — в другой у неё был нож — и захрапела, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, убьют её или оставят в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Курр! Курр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенцы, ещё лежали в гнезде. Она дохнула на нас, и все умерли, кроме нас двоих. Курр! Курр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Наверно, в Лапландию — ведь там вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там прыгаешь себе на воле по огромным сверкающим равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи спокойно, — сказала маленькая разбойница. — Не то пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. А ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень, и глаза его заблестели. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, все наши ушли, дома одна мать; немного погодя она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, тогда я кое-что сделаю для тебя.

И вот старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, а маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой! Уж больно ты уморительный, когда тебя щекочут острым

ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Можешь бежать в свою Лапландию, но за это ты должен отвезти к дворцу Снежной королевы эту девочку — там её названный брат. Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила громко, а у тебя вечно ушки на макушке.

Северный олень так и подпрыгнул от радости. А маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязала её для верности и даже подсунула под неё мягкую подушку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки — ведь холодно будет! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам: вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руки у тебя, как у моей уродины матери.

Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы не пришлось голодать. И то и другое было привязано к оленю.

Затем маленькая разбойница отворила дверь, заманила собак в дом, перерезала своим острым ножом верёвку, которою был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девочку.

Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Выли волки, каркали вороны.

Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит.

И он побежал дальше, не останавливаясь ни днём, ни ночью. Хлебы были съедены, ветчина тоже, и вот они очутились в Лапландии.

История шестая ЛАПЛАНДКА И ФИНКА

Олень остановился у жалкой лачуги. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха лапландка, жарившая при све-

те жировой лампы рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему гораздо важнее.

Герда же так окоченела от холода, что и говорить не могла.

— Ах вы бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать сто с лишним миль, пока доберётесь до Финляндии, где Снежная королева живёт на даче и каждый вечер зажигает голубые бенгальские огни. Я напишу несколько слов на сушёной треске — бумаги у меня нет, — и вы снесёте послание финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала несколько слов на сушёной треске, велела Герде хорошенько беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

Уф! Уф! — послышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жилье! Сама финка, низенькая толстая женщина, ходила полуголая. Живо стащила она с Герды платье, рукавицы и сапоги, иначе девочке было бы жарко, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске.

Она прочла всё от слова до слова три раза, пока не заучила наизусть, а потом сунула треску в котёл — рыба ведь годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом историю Герды. Финка мигала своими умными глазами, но не говорила ни слова.

— Ты такая мудрая женщина... — сказал олень. — Не изобразишь ли ты для девочки такое питьё, которое бы дало ей силу двенадцати богатырей? Тогда бы она одолела Снежную королеву!

— Силу двенадцати богатырей? — сказала финка. — Да много ли в том проку!

С этими словами она взяла с полки большой кожаный свиток и развернула его: он был весь исписан какими-то удивительными письменами.

Финка принялась читать их и читала до того, что пот градом покатился с её лба.

Олень опять принялся просить за Герду, а сама Герда

смотрела на финку такими умоляющими, полными слёз глазами, что та опять заморгала, отвела оленя в сторону и, меняя ему на голове лёд, шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он вполне доволен и думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу. Их надо удалить, иначе Снежная королева сохранит над ним свою власть.

— А не можешь ли ты дать Герде что-нибудь такое, что сделает её сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Не видишь разве, как велика её сила? Не видишь, что ей служат и люди и звери? Ведь она босая обошла полсвета! Не у нас занимать ей силу, её сила в её сердце, в том, что она невинный милый ребёнок. Если она сама не сможет проникнуть в чертоги Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколок, то мы и подавно ей не поможем! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку, спусти у большого куста, обсыпанного красными ягодами, и, не мешкая, возвращайся обратно.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног.

— Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц! — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Тут он спустил девочку, поцеловал её в губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад.

Бедная девочка осталась одна на трескучем морозе, без башмаков, без рукавиц.

Она побежала вперёд что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, но они не падали с неба — небо было совсем ясное, и в нём полыхало северное сияние, — нет, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее.

Герда вспомнила большие красивые хлопья под увеличительным стеклом, но эти были куда больше, страшнее и все живые.

Это были передовые дозорные войска Снежной королевы.

Одни напоминали собой больших безобразных ежей, другие — стоглавых змей, третьи — толстых медвежат с взъерошенной шерстью. Но все они одинаково сверкали белизной, все были живыми снежными хлопьями.

Однако Герда смело шла всё вперёд и вперёд и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

Посмотрим же, что было в это время с Каем. Он и не думал о Герде, а уж меньше всего о том, что она так близко от него.

История седьмая ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЧЕРТОГАХ СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ И ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОТОМ

Стенами чертогам были вьюги, окнами и дверями буйные ветры. Сто с лишним зал тянулись здесь одна за другой так, как наметала их вьюга. Все они освещались северным сиянием, и самая большая простиралась на много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, на которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с ссорами и дракою, не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички.

Холодно, пустынно, грандиозно! Северное сияние вспыхивало и горело так правильно, что можно было точно рассчитывать, в какую минуту свет усилится, в какую померкнет. Посреди самой большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом. Посреди озера сидела Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посинел, почти почернел от холода, но не замечал этого — поцелуи Снежной королевы сделали его нечувствительным к холоду, да и самое сердце его было всё равно что кусок льда. Кай возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады. Есть ведь такая игра — складывание фигур из деревянных дощечек, — которая называется китайской головоломкой. Вот и Кай тоже складывал разные затейливые фигуры, только из льдин, и это называлось ледяной игрой разума. В его глазах эти фигуры были чудом искусства, а складывание их — занятием первостепенной важности. Это происходило оттого, что в глазу у него сидел осколок волшебного

зеркала. Складывал он и такие фигуры, из которых получались целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков». Но он никак не мог его сложить.

— Теперь я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева. — Загляну в чёрные котлы.

Так она называла кратеры огнедышащих гор — Этны и Везувия.

— Побелю их немножко. Это хорошо для лимонов и винограда.

Она улетела, а Кай остался один в необозримой пустынной зале, смотрел на льдины и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. Он сидел на месте, такой бледный, неподвижный, словно неживой. Можно было подумать, что он совсем замёрз.

В это-то время в огромные ворота, которыми были буйные ветры, входила Герда. И перед нею ветры улеглись, точно заснули. Она вошла в огромную пустынную ледяную залу, и увидела Кая. Она тотчас узнала его, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. И тогда Герда заплакала; горячие слёзы её упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили ледяную кору, растопили осколок. Кай взглянул на Герду и вдруг залился слезами и плакал так сильно, что осколок вытек из глаза вместе со слезами. Тогда он узнал Герду и обрадовался:

— Герда! Милая Герда!.. Где же это ты была так долго? Где был я сам? — И он оглянулся вокруг. — Как здесь холодно, пустынно!

И он крепко прижался к Герде. А она смеялась и плакала от радости. И это было так чудесно, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Герда поцеловала Кая в обе щеки, и они опять зарделись как розы; поцеловала его в глаза, и они заблестели; поцеловала его руки и ноги, и он опять стал бодрым и здоровым.

Снежная королева могла вернуться когда угодно — его отпускная лежала тут, написанная блестящими ледяными буквами.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. А когда дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал юных путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птицы, деревья покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в ярко-красной шапочке с пистолетами за поясом.

Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету — и девушку. Это была маленькая разбойница.

Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотелось бы мне знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света?

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали в чужие края, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, ходит с чёрной шерстинкой на ножке и сетует на судьбу. Но всё это пустяки, а ты вот расскажи-ка лучше, что с тобой было и как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Ну, вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и обещала навестить их, если когда-нибудь заедет к ним в город.

Затем она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и на их пути расцветали весенние цветы, зеленела трава. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому: часы говорили «тик-так», стрелки двигались по циферблату. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали

совсем взрослыми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой, взяли друг друга за руки, и холодное, пустынное великолепие чертогов Снежной королевы забылось, как тяжёлый сон.

Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душой, а на дворе стояло лето, тёплое благодатное лето.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ	3
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА	19

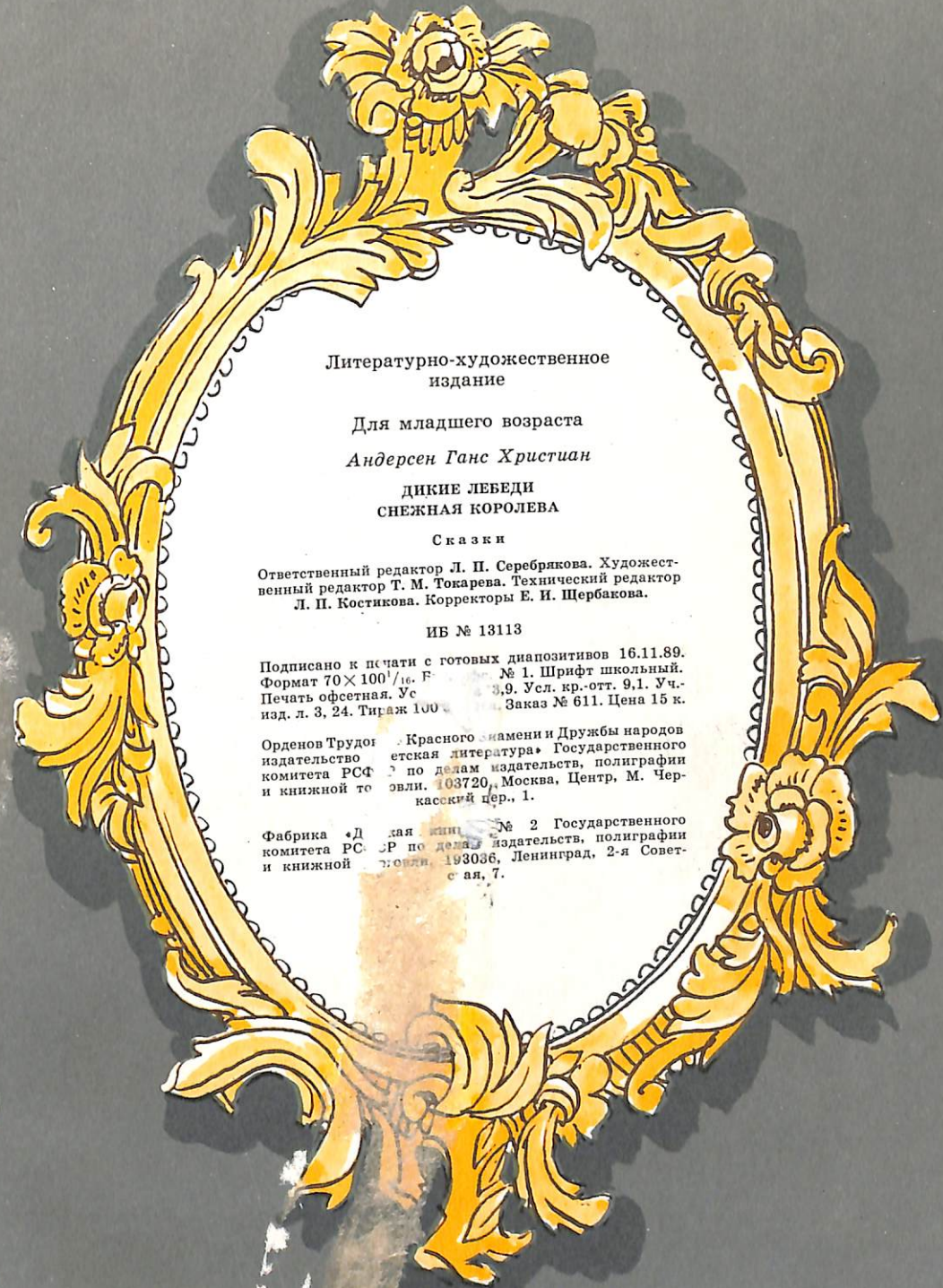
Андерсен Г.-Х.
А 65 Дикае лебеди. Снежная королева: Сказки/Пер.
с дат. А. Ганзен; Рис. В. Панова. — М.: Дет. лит.,
1989. — 48 с.: ил.

ISBN 5—08—002644—8

Сказки, вошедшие в этот сборник, объединены мыслью о том,
что любовь и человеческая доброта сильнее любой злой силы.

А 4804010100—130 Без объявл.
М101(03)—89

ББК 84.4Д

Литературно-художественное
издание

Для младшего возраста

Андерсен Ганс Христиан

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА

Сказки

Ответственный редактор Л. П. Серебрякова. Художественный редактор Т. М. Токарева. Технический редактор Л. П. Костикова. Корректоры Е. И. Щербакова.

ИБ № 13113

Подписано к печати с готовых диапозитивов 16.11.89.
Формат 70 × 100^{1/16}. Ф № 1. Шрифт школьный.
Печать офсетная. Ус 3,9. Усл. кр.-отт. 9,1. Уч.-
изд. л. 3, 24. Тираж 100. Заказ № 611. Цена 15 к.

Орден Труда Красного знамени и Дружбы народов
издательство «Светская литература» Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 103720, Москва, Центр, М. Чер-
касский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Государственного
комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли, 193036, Ленинград, 2-я Совет-
ская ул., 7.

15 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»